

НАДЕЖДА
МАМАЕВА

КАК ЭТО
ПО-ЭЛЬФИЙСКИ?

Надежда Мамаева
Как это по-эльфийски?

«Автор»

2026

Мамаева Н.

Как это по-эльфийски? / Н. Мамаева — «Автор», 2026

У феникса горит не только работа в руках, но порой и под хвостом, если от той не дают отдохнуть. Первый раз за три года, между прочим. Но как насладиться морем и солнцем, если твое место (и не только под ним) занял один сдержанный и надменный эльф? И уступать даме не намерен. У него, видите ли, свои веские причины, и отнюдь не курортного толка. Ну и что! Сам на неприятности напросился. Вот только в пылу борьбы за отпуск даже ледяное хладнокровие может не спасти от проигрыша собственному сердцу. Или нет?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Как это по-эльфийски?

Глава 1

— Три с половиной года без отпуска! Выгорела уже на работе вся! Скоро от меня ничего не останется! — Я уперла руки в стол начальника и сама нависла над ним грозовой тучей. Ибо сил моих дамских больше не было.

Как пахать, отчеты строчить — так пани Казимира, будьте уж добры задержаться на службе до полуночи, или до рассвета, или пару дней с кресла не вставайте, пока не закончите. Поскольку проверка-с наиважнейшая. Все отчеты должны быть идеальными. А после инспекции — еще одно увлекательное мероприятие: выбивание премии за переработку. Потому как пан Больтиш деньги любил. И когда они у него, а не у подчиненных — особенно. Тяжелее, чем с деньгами, он расставался лишь с сотрудниками. Даже на время. Этот деспот и на больничный-то отпускал, точно вольную давал по великой королевской щедрости за заслуги перед отечеством. Одним словом, вел себя как ревнивый султан гарема. Хотя порой у меня и вправду создавалось ощущение, что я замужем. За работой. Поскольку она меня и кормила, и поила, и любила, а главное — не оставляла никакого времени ни на что личное.

Хотя, кажется, пан Больтиш и слова-то такого не знал. И предпочел бы, чтобы его сотрудники даже в туалет ходили строем. Желательно — за оборот секундной стрелки хроносов.

— Так-таки ничего? — меж тем усомнился начальник и снял с крючковатого, как у многих гоблинов, носа очки, занявшись, по сути, втиранием оных мне и протираанием стекол для виду. После чего веско добавил: — А насчет выгораний... Они вам, пани Казимира, по природе заложены, как и всем фениксам. И, к слову, их график желательно согласовать... или хотя бы предупреждать в устной форме заранее!

После этих слов я и полыхнула. Задорно так, что аж волосы, светлые, пшеничные, с небольшим медным отливом, затрепетали алым пламенем. И я заявила, что предупреждаю: сейчас в этом кабинете точно что-то да выгорит — или я, или мое дело, или обстановка... но оказалось, что самая низкая пожароустойчивость у нервов начальника, а точка возгорания оных находится в седалище пана. Особенно когда я от угроз перешла к цифрам и напомнила о переработках, которые, согласно Трудовому кодексу королевства, были попираемы три с половиной года, и о том, что предупреждала за шесть месяцев до сего дня, что в этом году я в отпуск таки иду!

После чего меня обложили. Не штрафами. И даже не бранью. А взглядами, которые обычно приберегают для кровных врагов, и... Таки завизировали подпись на заявлении. Правда, при этом усомнились в моей расовой принадлежности, назвав чистокровную фениксиду ведьмой!

Я ответила, что от кровопийцы слышу. Только уже мысленно: эта работа мне еще была нужна. Потому как девице, окончившей академию по специальности «счетное дело», без связей длиной в пару миль, двадцатилетнего опыта, двух взрослых (чтоб больше не отлучаться со службы на роды) детей найти достойную должность тяжело. Если бы дара было поболее — можно было бы еще поперебирать вакансии. Но, увы, его у меня теплилась лишь искра. Лекари утверждали это из-за того, что выгорела я первый раз очень рано — в три года, вместо положенных двадцати, испугавшись ворвавшихся в дом грабителей. Вот энергетические каналы и пожгло. Так что остались они на детском уровне, недоразвитыми. Ладно хоть с оборотом все было в порядке. Иначе бы тетушки-дядюшки меня заклевали — и родители бы не спасли.

Потому с крылатой ипостасью все было просто огонь, да и с резервом, откуда напрямую черпались силы при обороте, тоже. А вот протоки, так необходимые каждому магу при плетении заклинаний, — увы.

Но даже таких малых каналов на чары заверения документов хватало, как и на то, чтобы распознать чужие магические печати. С таким раскладом выбор при поступлении был не особо велик: в счетоводы, юристы, библиотекари, аптекари... туда, где сгодится и толика магии. Даже в бытовые чародеи я уже не тянула. А жаль. Там бы на бюджет хоть могла поступить.

Но малосилков казна за свой счет обучать не желала. Потому пришлось взять в банке ссуду на академию. И недавно я ее закрыла! Так что теперь была свободна хотя бы от кредитного рабства. А ныне возжелала немислимого: избавиться и от начальственного. Хотя бы на седмицу. Тем более что подруга предложила горящую путевку, на которую как раз хватало моих скромных сбережений. И не на ближайшие озера с постоянным русалочьим двором и облаком комаров в придачу - на Мийшельские острова! Где теплое морюшко, жаркое солнышко и никаких отчетов! Идеально. Я так загорелась этой идеей, что едва диван не подпалила, когда с Тильдой разговаривала.

Так что теперь дело было лишь за подписью начальника. И она была получена. Оттого я радостно вернулась в счетный отдел, где споро шуршали перьями и щелкали костяшками на абаках дюжина счетоводов.

— Я выбила... — блаженно протянула, падая в рабочее кресло и откидываясь на спинку одного.

Подо мной что-то жалобно скрипнуло, прогнулось, намекая: девица Казимира, вы там полегче мечтайте, а то мебель под вами казенная, дюжину счетоводов на своем веку пересидевшая и к радости бытия не привыкшая. Потому от одного ножки-то и откинуть может. Все четыре разом.

— Душу из пана Больтиша? — меж тем с надеждой поинтересовалась Рута.

Ради этого она даже отложила писчее перо, которым старательно выводила цифры в беловике сметы, и поправила жабо на груди.

Увы, пришлось коллегу разочаровать в своей кровожадности и заверить и в том, что начальство пока будет жить. А также руководить, творить и дурить.

— Нет, разрешение на отпуск. Он все же подписал мое заявление... — и не удержалась от счастливой улыбки.

В ответ коллеги, ставшие свидетелями моего разговора с соседкой, стол которой находился в двух шагах, за меня порадовались, но, подозреваю, не от всей души. Думаю, до момента, когда я объявила об отпуске, девица Казимира была им чуточку симпатичнее. Рута завистливого вздохнула, отчего ее выразительное декольте всколыхнулось волной, и даже вытерла свои зеленые глаза, в омутах которых тонули все налоговики от восемнадцати до восьмидесяти с их проверками, уголком платка. Тот она держала в выдвигном ящике стола для особо трогательных моментов (к ним относились поводы, дающие надежду на повышение: уход в декрет, получение премии и чей-то уход на пенсию, хотя, по статистике отдела, последний обычно случался в могилу, ибо за все мое время работы на законный отдых живым ушел лишь один сотрудник из трех). Ритуально промокнув несуществующие слезинки, Рута убрала батист в шуфлядку, задвинув ту со скрипом.

— Отпуск? — не поверила своим ушам старейшая и главнейшая счетовод отдела — пани Благомира, которая застала в своем младенчестве еще сотворение мира, не иначе.

Поговаривали, что она досталась нашему начальнику в наследство от предыдущего вместе с должностью, мебелью и стенами этого отдела. И да, только пани Благомира знала в оттиск все образцы печатей, формы отчетности, наших оптовиков, их замов, замов их замов, а также имена тещ у каждого. И, кажется, помнила наизусть Налоговый и Управленческий кодексы королевства и все поправки к ним за последние двести лет! В общем, страшная была женщина. Во всех смыслах, ракурсах и бородавках, числу которых жабы обзавидовались бы. Но они только добавляли Благомире, как истинной ведьме, шарма.

К слову, ее единственную, кажется, даже пан Больтиш побаивался. Но виду не подавал. А главная счетовод, в свою очередь, изображала девичий трепет при появлении начальства, дабы не подрывать авторитет того перед подчиненными. Но за закрытыми дверями эти двое могли вдохновенно орать. Я сама как-то подслуш... мимо проходила. И створка была почти приоткрыта. Ну как почти: всего-то пару раз шпилькой замок сковырнула. А полог тишины нужно было до конца опускать, не оставляя лазеек в полдьюма для малосилков...

— Наш упырь скорее сдохнет, чем кому-то позволит не работать, — меж тем продолжила главный счетовод. — Ты, дочка, либо святой водой его окатила, либо подпись подделала. Либо и то и другое разом. Признавайся.

— Честное слово. — Я приложила руку туда, где у фениксов обычно находится совесть (чуть выше резерва, рядом с кошельком). — Он сам подмахнул. Правда, назвал меня вами, — все же я не удержалась.

Отчего ведьма черная прирожденная зашлась низким грудным смехом и прокляла меня на удачу в отпуске. Мол, там она мне точно не помешает, а здесь, на работе, у меня и так все спорится...

И как сглазила. Потому что уже на следующее утро на моем столе выросла гора отчетов высотой с самого пана Больтиша (если поставить стул, на него Руту, а на ее плечи — уже начальство). К этой кипе прилагалась записка, накарябанная гоблинским почерком: «Пани Казимира, перед отпуском надлежит сдать все отчеты за кварталы текущего года, а также прогноз на следующее полугодие. Ибо вы уезжаете лежать на пляже, а работа стоять не может. Заверьте каждую из трех копий документов. И подготовьте акты сверки по «Первой торговой гномьей гильдии». С уважением, пан Больтиш».

Я едва не полыхнула. Да он издевается. Здесь работы седмицы на четыре, не меньше! Я над подобными прошлый раз весь гегуж-месяц сидела. А рой — за сверкой! Так что все соловьиные трели и сирени мимо меня прошли. А у меня отпуск через седмицу. Только я хотела цветень провести как белый маг, а не темный некромант: при свете дня, а не копаясь в работе. И нате вам, пани Казимира, получите-распишитесь.

Ну я и принялась за перо, остервенело застрочив тем по бумаге. Мы еще посмотрим, господин начальник, кто кого. И к концу седмицы лидировал с небольшим отрывом гоблин. Хотя я дневала и ночевала на работе. Да что там, я спала за столом, однажды утром очнулась с пером в руке и строчкой «дебет с кредитом не сошелся, потому что мир несправедлив» на щеке.

Я пила кафу ковшами — местную, сваренную на магическом огне, от которой у нормальных людей и нелюдей сердце останавливается, а у меня только в тех местах, где при обороте перья вырастают, начинало зудеть. Надеюсь, что только зудеть, а не выпадать. Но обернуться в крылатую форму, чтобы выяснить это точно, я не рискнула. Сейчас на счету была каждая секунда, и даже неосторожный чих мог сбить мне весь график, не то что смена ипостаси.

Рута иногда подкидывала мне кифлю с творогом, маковец или слоеные фаворки, присыпанные сахарной пудрой на тарелочке. Благомира — настойку из валерианы с примесью пит-

ного меда: чтобы «нервы успокоить, и глаз зорким был, и рука не дергалась». Видимо, последнее — если я таки решу начальника прирезать. Весь отдел втайне на это надеялся, не иначе.

Но начальник вновь сумел выжить, а я — выдюжить и таки сдать ему всю гору той макулатуры, которой он меня планировал завалить. Но по итогу это я его едва не похоронила под отчетами. Бухнула их все на стол пану Больтишу (для этого несколько заходов пришлось сделать) и на его:

— Подождите, мне нужно все проверить! — помахала ручкой, заявив, что с восьмым часом и вечерней храмовой службой заканчивается мой последний рабочий день и начинается отпуск.

В спину мне из-под горы бумаг понеслось что-то ярое и эмоциональное. Наверное, пожелание хорошо отдохнуть и набраться сил, впечатлений... Да я согласна даже на просто набраться! Хоть грушницы, хоть квасу. Лишь бы подальше от любимой работушки!

С таким настроем и сбежала из этой преисподней на улицу, где недавно прошел дождь и мостовая таращилась на небо темными лужами, в которых отражались луна, фонари и звезды. Я поддернула подол юбки, ибо тот не доходил всего ладонь до земли. В сухое время было удобно — не нужно лишний раз чистить от грязи. Но нынешняя слякоть была коварна: один неосторожный шаг — и в брызгах и мои шнурованные туфельки на каблуках-рюмочках, и чулки, и кружево подола — все будет изгваздано. Да так, что репутацию порой легче отбелить, чем одежду. Ибо в лужах столицы смешалось все: и вода с глиной, и остатки проклятий с благословениями, и техническое масло с прачечным щелоком. В общем, ядреная смесь.

Так что перескоками и обходами я спустя час добралась до своего тихого убежища. Вернее, маленькой комнатушки на чердаке на окраине города. Оную мы и делили с Тиль — моей бывшей однокурсницей, подругой, спасительницей и по совместительству обладательницей самого вредного голоса в мире. Потому что она могла разбудить меня даже после трех бессонных ночей одним только выкриком: «Кази, вставай, за вчерашнее молоко сегодня всего пару медек просят! Я нам два бидона взяла!».

Она была человеком, но с явными гномьими замашками: любила делать деньги, считать деньги, копить деньги и жареную картошку с луком и шкварками. И при этом умудрялась быть добрейшим и стройнейшим (всем на зависть!) существом, что на контрасте с ее мымрой-начальницей, придерживавшейся, кажется, всех диет разом, выглядело как насмешка судьбы.

Наша коморка напоминала склад забытых вещей, потому что Тиль работала в агентстве «Все по компасу» (хотя она величала его меж нами «Все по барабану») и ей порой клиенты привозили сувениры оттуда, куда до этого она их отправляла (а подруга куда только и кого только не посылала): но туристы возвращались отовсюду радостными и с магнетиками. И не только с ними.

В итоге в прихожей у нас стоял зонт, который предсказывал дождь, завывая сиреной. На полке ютился горшок, который сам варил кашу, но всегда пригоревшую. А у рукомошника обитало полотенце, которое иногда любило подшутить, если забудешь о бдительности: оно могло внезапно стать жестким, как наждак, или, наоборот, растаять в руках, точно сахарная вата.

В остальном обстановка была скромной. Ну а какой она могла оказаться у двух недавних студенток, только-только расплатившихся с долгами. Но ни я, ни подруга не жалели о взятых ссудах и переезде от родителей.

Тиль в свое время сбежала в академию, как она шутила, по «классическому сценарию любовного романа» — от нежеланного договорного брака, когда за нее все решили родители. У меня же все романтизмом даже и не пахло. Скорее капустниками и свекольниками, стиркой и суетой. А как еще может быть в небольшом доме, арендованном семьей из восьми фениксов. Я делила свою комнату с двумя сестрами. За стенкой буянили три брата. Еще одна комната наверху — гостевая, ибо к нам часто на голову падали родственники (мы же жили в каких-

то двадцати милях от города, считай, столичные жители). А на первом этаже была гостиная, спальня родителей и кухня.

Потому я, мои братья и сестры, как только немного оперялись, — спешили вылететь из семейного гнезда, ибо в нем было тесно.

Так что старшая из Войчик ныне защищала кандидатскую диссертацию по казуистике прецедентного магического права, младшая работала шляпницей в салоне именитого кутюрье, я вот, затесавшаяся посерединке, — счетоводом, наследник нашего рода (и долгов оно) выбрал военную стезю и дослужился до капитана, средний, Матец, учился на лекаря, и с его высоким уровнем дара ему пророчили чуть ли не архимага от целительства, младший, Болек, заканчивал школу и единственный, кто пока остался с родителями, но, судя по рассказам братишки, — ненадолго. Он намылился в погонщики драконов.

В общем, каждый из нас прорубал окно в свою счастливую жизнь сам. Но мое пока выходило на глухую стену соседского дома. Зато каменная кладка того была увита плющом, в котором жила семья воробьев, научившихся подражать будильнику. Будильник у меня, кстати, тоже был, но он сломался еще три с половиной года назад, в первый месяц после переезда, — потому что даже чаромеханизмы не выдерживали девичьего режима и амбиций.

Зато с побудкой отлично справлялась Епифания — магомодифицированная морская свинка и папин подарок на мое совершеннолетие. Ну а что еще мог преподнести бестиолог-селекционер?

Поначалу я и Пифи друг другу не очень понравились. Я хотела вообще-то платье. Пушистая — сладкую морковку. А мне подложили на день рождения свинью в коробке из-под торта, а ей — меня, за лабораторные прегрешения. Поскольку пушистая оказалась дамой деятельной, зубастой и всеядной: погрызла соседок, прутья решетки и запила все это ядовитым содержимым колб, став после для испытаний непригодной. А для подарка — вполне. Ибо была все же лучшим папиным образцом. Ну до того момента, как напилась до свинского состояния реактивов. Когда папа вручал мне презент, то напутствовал: «Не корми после полуночи... А впрочем, корми когда хочешь — она сама решит, что есть, когда и кого. Зато с ней ты будешь чувствовать себя в академии в безопасности».

Все же папа хоть и был чудаковатым, но любил меня и старался защитить, как мог. К слову, у него это получилось. Пифи в женском общежитии навела страху, суеты и дисциплину разом. Хотя я до этого думала, что эти три понятия несовместимы. И даже стала в адептском фольклоре «крысиным проклятым королем», которого не смогли поймать ни комендант, ни ректор, ни все ловчие заклинания разом. Вот что значит чудо селекции с зачатками разума! Хотя, как мне кажется, даже в то время это уже были не мыслезачатки, а вполне себе бутоны, а сейчас и вовсе — плоды морскосвинского разума. Ибо Пифи умудрялась не только добывать себе еду, но и контролировать мой режим дня, а иногда и питания. Этакая дуэнья размером с хорошую дыню, цвета шальной осени с белыми пятнами, с невероятной запасливостью и любовью ко всему колюще-режущему.

И вот вечером последнего рабочего дня я, вернувшись к себе, первым делом начала собирать чемодан. Поскольку на завтра по плану значился семейный ужин, на который слетались в родительский дом не только братья и сестры, но ныне еще и дядя Руфун с тетей Эленой, и кухня Минита с супругом. Не прийти на него — значило навлечь на себя извержение вулкана, апокалипсис и кару родительских богов разом. Причиной неявики даже смерть не была: вызовут и с того света ради соблюдения традиций.

Так что если отложу упаковку вещей на завтра, то точно ничего не успею.

Посему я принялась за дело, благо Тиль еще не пришла с работы и не начала советовать и критиковать, что взять, а чего не стоит. Ибо в плане вещей у нас с ней вкусы расходились, как шов на юбке — в совершенно разные стороны.

Я предпочитала классическую умеренность, подругу тянуло на все новое: вопиюще короткие юбки по колено или вовсе штаны чего только стоили.

Нет уж, справлюсь сама. Но... не успела. В середине сборов пришла подруга, все раскритиковала и... до полуночи мы с ней вели сражение за мою нравственность. Сошлись на ничьей и бирюзовом безобразии, которое Тиль по ошибке именовала купальным костюмом. Хотя, как по мне, такой и нижним бельем-то стыдно назвать; но подруга уверяла, что это последний писк моды. Видимо, та орала благим матом, когда ее душили. Но я скрепя сердце (и замки чемодана, чтоб в него еще что не подсунули), согласилась взять это безобразие с собой. Решила: места все равно много не займет, а потом его можно будет просто не замечать на дальней полке шкафа.

Впрочем, если бы Тиль на этом успокоилась, я бы подумала, что ее подменили. Но нет, это все еще была она, ибо, не терпя возражений, подруга всучила мне еще и амулет-переводчик.

— Все же Мийшельские острова — другое государство, а у тебя с единым языком не очень.

— Ты же уверяла, что это межрасовый курорт и персонал говорит не только на едином, но и на изначальном... — я насторожилась.

— Да, на изначальном тоже говорят, но не все. Не всегда... Так что на, держи. Еще спасибо скажешь.

Тут я не стала упираться. Да, родным языком континента, на котором и общалось большинство людей, был изначальный. Гномы, знамо, общались меж собой в своем Хрустальном хребте на языке подгорников, остроухие в заповедных лесах — на эльфийском и в теории все вместе — на едином наречии, которое было обязательным к изучению в школе.

Но я, сидя на ученической скамье, прекрасно понимала: самый вероятный маршрут для семейного отдыха с учетом бюджета рода Огневостов — это поехать... крышей. Он же и единственный.

Потому особо на иностранные языки не налегала. Что на обязательный единый, что на факультативный эльфийский. И до этого дня расчет был верным. Но...

Так что я поблагодарила за амулет и припрятала его в ручную кладь.

Пифи, к слову, во время нашего с подругой спора была подозрительно тиха, но я не обратила на это внимания.

А вот утро моего первого нерабочего дня началось с радостных писков свинки, которая задорно скакала по моей подушке, намекая, что семейный ужин — это не только утомительные разговоры и намеки на затянувшееся девичество, но и много вкусной тушеной капусты. Знамо, разговоры — мне, а капуста — Пифи.

Так что пришлось встать и собираться, чтобы к обеду прибыть в отчий дом, который моя семья арендовала столько, сколько я себя помню.

Глава 2

В знакомых стенах уже было шумно. Очень шумно. У фениксов, знаете ли, такая особенность: чем больше их собирается вместе, тем громче они разговаривают. А когда под одну крышу слетается огненных пернатых едва ли не две дюжины — звук получается такой, что даже каменные тролли не всегда выдерживают. А уж на что у этих ребят характер — кремень.

— Кази! — воскликнула мама, едва я появилась на пороге. Она сегодня прямо-таки горела. И не только энтузиазмом. Кончики ее волос полыхали. — Ты худая и бледная! Наверняка опять со своей работой ничего не ешь! Садись за стол!

А за тем уже угнездились папа, который пытался объяснить внуку, почему драконы летают как птицы, хоть и ящерицы, старший Марек с женой-человеком (зато боевым огненным магом, так что непонятно, кто в их парочке еще больше отжигал), младший Яцек с невестой-русалкой. Во главе стола восседала бабуля — божий одуванчик. Но для тех, кто ее знал только издали. А вот покушавшиеся на огород госпожи Врячки точно знали: эта старушка с клюкой способна настучать любому перцу по его тыкве и дать на орехи любой редиске, которая обвинит почтенную матрону в жестоком обращении с ворами.

Рядом с ба восседал дедуля, который умудрялся спать с открытыми глазами и похрапывать в особо интересных местах разговора. Ну и еще прибыли тетя с дядей и мои сестры, а младший Болек и так всегда был при родителях.

Мы всей этой дружной ватагой у ourselves за стол, а Пифи — под, в ожидании капусты, которую мама любила готовить, а я не очень — есть. И эта пищевая цепочка (из тарелки в лапы) нас со свинкой обеих устраивала.

И вот в разгар семейного застолья, когда я даже успела заикнуться об отпуске и оный все дружно обсудили, как и защиту диссертации сестры, и подбитый Болеком глаз одноклассника, и лекарские успехи Яцека... Да, кажется, все на свете, причем разом и порой перебивая друг друга, папа внезапно постучал вилкой по краю стакана и попросил тишины.

— Дорогая семья! — начал он. — Мы так рады, что мы собрались вместе. И в узком кругу мы с Бертой хотели бы сделать объявление.

После этих слов хруст под столом прекратился. Мы с братьями и сестрами дружно переглянулись. И не зря. Папа грянул:

— Мы решили, что вы уже почти все разлетелись и... Шесть птенцов — это хорошо, но семь — лучше.

Если до этого чемпионата по синхронно дернувшимся глазам и не было, то сейчас состоялось его торжественное открытие.

А после — и закрытие века. Обоих век, но уже у бабули. Кажется, она была рада седьмому внуку. Но как-то по-своему.

Папа же мужественно закончил:

— У нас с Бертой будет малыш! Еще один в роду Огнехвостов! — выкрикнул отец.

На этой фразе дедуля проснулся и заозирался на всех выпученными глазами. Хруст под столом возобновился с удвоенной силой — свинка, видимо, заедала новость.

А мы с братьями и сестрами, пережив и осознав услышанное, принялись поздравлять родителей.

Ибо да, мы не были богаты. И не из шляхты. И даже не из Изначальных земель. Но мы были частью чего-то большого и хорошего — частью семьи. Места, где ты любишь и любима всю свою жизнь. А с учетом числа родственников этой любви порой было даже слишком.

Хотя у фениксов редко бывает по-другому. Мы вообще достаточно многочисленная раса... только на Малых Огненных островах. И места там всем не хватало. Потому мой дед с ба и прибыли на Изначальные земли в поисках счастья. Да здесь и осели, дав начало местному

роду Огнехвостов, который не скопил много денег, но каждый из нас знал: есть дом, есть семья, и в ней тебя обязательно поддержат и в тебя поверят. С тобой будут рядом в трудную минуту. И это порой куда важнее всего золота мира.

С такими мыслями я уезжала из дома после семейного обеда. И, кстати, торопилась: через пару часов нужно было уже стоять на взлетно-посадочной арене. И никаких проволочек. Хотя я, наверное, скорее на собственную смерть опоздала бы, но не в отпуск.

Так что в назначенный час я стояла под морозящим злативирским дождичком, глядя на затянутое тучами небо, и лицезрела на фоне оногo, как заходит на посадку очередной дракон.

Ящеры, к слову, были огромными и страшными. А еще, несмотря на все усилия авторов новелл и баллад по романтизации крылатого облика и очеловечиванию чешуйчатых, они упорно оставались исключительно теми еще животными. В смысле ипостасей не меняли, как из яиц вылуплялись с крыльями, так их и носили до самой смерти. Хоть и были существами разумными и за приличную плату золотом и овцами соглашались на извоз.

Для последнего под чешуйчатым брюхом крепилась кабинка, куда и помещались пассажиры со всеми удобствами, как то: широкие кресла, напитки, плед... И это все было, но не для меня и прочих, летевших с обычным сереньким билетом. Блага — только для обладателей золотых карточек. Их и первыми к кабинке пустили, и вокруг них тотчас запорхала, словно фея (хотя почему «словно», кажется, розововолосая девица ею и была), кабинко-проводница в форме.

Я же, заняв свое место у окна, поставила переноску с Епифанией на колени. И посмотрела через стекло на улицу.

Зря. Ибо в нем увидела ворона, знакомого такого, который нес явно дурные вести. А какие еще может тащить в лапах Мугин — пернатый посыльный с работы. Узнать его не составляло труда: крылатый уже был немолод и летал характерными зигзагами. А тут еще в клюве и папку с бумагами, которая ухудшала летность птички, держал.

Но, хоть в кабинку драконобуса ворон залететь и не мог, я все равно пригнулась, прижавшись щекой к клетке с Епифанией, которую держала на коленях. И просидела так до самого взлета. Лишь когда чешуйчатый набрал высоту, выпрямилась, и снова глянула в окно, и увидела под собой огни Злативира, который быстро затягивала дымка дождевых туч.

А дракон меж тем поднимался все выше. Туда, где всегда хорошая погода... И в этот миг мне было плевать на ободранные сиденья, духоту и тряску. Главное, мы с Пифи увидим волны! Пушистой должно быть вдвойне приятно. Она же хоть и свинья (по характеру — та еще), но морская же! А в своей жизни дальше реки, что протекала через Злативир, не плавала...

— Летим, детка! — прошептала ей. Ответом мне стал экзальтированный писк, впрочем, быстро сменившийся хрустом.

Пифи грызла куриную кость. И откуда она только ее взяла? Я же клетку, перед тем как посадить туда эту паразитку, всю вычистила. И в лапах у пятнистой ничего не было...

Рядом со мной села гномиха с пятью тюками багажа и младенцем, которого, судя по цвету лица, укачало еще на земле. Напротив — девушка и оборотень, у которого чуть пробивалась характерная шерсть на бакенбардах. Они держались за руки, на которых скупоблескивали новенькие обручальные кольца. Ребятам, кажется, не было дела ни до кого на свете. Ну и, конечно, в кабинке было полно людей. Все же Изначальные земли — колыбель человеческой цивилизации. Впрочем, открытая для всех рас.

Правда, все же даже в столице свои предпочитали селиться со своими. Был район орков, куда лучше без пульсара наизготовку не соваться, и элитный квартал, где обитали остроухие, а за рекой, в Новом Граде, обосновались гномья диаспора и община двуликих.

И вот сейчас все мы, люди и нелюди, неслись навстречу солнцу, морю и беззаботности. Кто-то чуть комфортнее — золотобилетников от простых смертных отделяла ширмочка, кто-то — как мы с Пифи...

Но по большому счету те восемь часов, что мы пробыли в кабинке, — это такая ерунда... Но не для моей поясицы, как выяснилось.

Ее не волновали красоты снежных вершин, что проносились под нами за время пути, ни моря лесов, где обитали дриады, ни океан, где волны казались игрушечными, а корабли — щепками. Только возможность выпрямиться.

Так что, когда в окнах кабинки показались Мийшельские острова, тело возрадовалось вдвойне: разумом — «я увижу небесные чертоги на земле», и мышцами — «ну наконец-то!».

А меж тем земля под нами напоминала россыпь изумрудов, которые какой-то великан обронил из своего кошель, шагая по Имрийскому океану. Полоска белого песка вдоль берега, пальмы, бирюзовая вода — даже с высоты было видно, что это сказка. Я прижалась носом к стеклу. Епифания тоже. Все же я не смогла держать ее в заточении долго и выпустила из клетки. И сейчас этот пушистый кабачочек давил мне на плечо, а карапузу гномихи — на психику. Мальцу уж очень хотелось потискать свинку.

Эх, не знал парень, что, исполнись его мечта, он остался бы без штанов. В смысле пеленок. Пифи была дамой очень хозяйственной и прибирала к лапам все, что не приколочено, а что приколочено — отгрызала и прибирала.

Меж тем дракон начал снижаться.

— Пристегните ремни, — раздался мелодичный голос феи, которая оказалась на поверку той еще фурией, когда кто-то из пассажиров решил проигнорировать ее просьбу.

Кабинка меж тем заскрипела и запела на разные лады, намекая всей собой: можно делать ставки — она развалится раньше или все же дракон сядет вместе со своей ношей.

Но обошлось. И на землю Мийшел мы все же ступили, а не упали. Правда, местная посадочная арена оказалась крохотной. А вот пассажиров — много. Потому выходили мы долго. А после еще суровый гоблин-пограничник ставил всем отметки в удостоверяющих листах.

И, пока это все творилось, мне довелось познакомиться с первым коварством прекрасных островов: почти моментальным закатом. И это в шесть-то вечера! Всего каких-то тридцать минут — и солнце, точно матерый пловец, занырнуло за горизонт, даже ручкой не помахав. День сменился ночью почти по щелчку, и мне, не привыкшей к отсутствию томных, нежных вечерних сумерек, которые купают тебя в розовом перламутре, было непривычно.

Да и жара опять же, какая в Злативире редкость даже днем. Теплый влажный воздух облепил лицо, платье, сумку с чемоданом и Пифи. Но платье — особенно. Плотный лен, который я считала идеальным для теплой погоды в столице, вдруг показался рыцарской броней, в которой каждое движение приходится делать с усилием. И ладно бы это. Запахи. Их здесь было возмутительно много! И все — густые, пряные, фруктово-цветочные. Епифания высунула нос из переноски, потянула им и чихнула. А после засучила лапками, словно пытаясь выковырять ароматы из своих сопелок.

Благо переводчик, который мне подарила Тиль, избавил от иных проблем. Таких, например, как торг с возницей местного экипажа.

Те, к слову, здесь были не конными, а ящерными. На островах водились небольшие (по сравнению с драконом) чешуйчатые с мощными задними лапами. Их запрягали в двуколки, которые развивали бешеную скорость. Так что до отеля мы с Пифи домчали с ветерком в волосах (у меня) и шерсти (это уже пятнистая).

Мимо нас мелькали гигантские деревья, лианы и обрывы, в небе парили по ночи огромные крыланы, а вдалеке порой виднелись огни рыбацких лодок. Пальмы склонялись над дорогой, и с них иногда падали кокосы — извозчик увиливал от них в последний момент, отчего меня с Пифи швыряло из стороны в сторону. Все это сопровождалось непередаваемым эльфогномьим диалектом.

— Mejshon trek! Eovinorel' blorm! — пронеслось раскатистое с матерным акцентом.

Хотя до этого момента я думала, что дивный язык лишен ругательств в принципе. Так мы с Пифи и добрались до гостиницы «Алый парус». Нет, вот знала бы дорогу — на крыльях бы сама полетела, и плевать, что после оборота от моей одежды лишь пепел бы остался... У меня еще целый чемодан вещей. А вот нервов запасных я с собой не взяла. Но, как говорится, все, что на отдыхе нас не убивает, дарит нам незабываемые (хотя порой лучше бы невспоминаемые) впечатления. Утешимся этим.

С такими мыслями я, расплатившись с возницей, и вошла в двери миленького двухэтажного здания с черепичной крышей.

За стойкой, поблескивавшей лаком, сидел гном, весь вид которого говорил: «Я измучен морем, солнцем и отдыхающими выше своего колпака».

— Доброй ночи, — поприветствовала я на ломаном эльфийском и положила перед подгорником свой личный свиток и договор с агентством, а заодно активировала транслингву: поговорила на местном сама — и хватит. Вообще, население Мийшел свободно беседовало на диалекте, основанном на смеси языка остроухих и гномов. Но на втором я и вовсе знала лишь пару слов. Так что воспользовалась амулетом: — У меня бронь на имя Казимиры Огнехвост. Семь ночей. Одноместный номер с видом на море.

Гном взял документы, повертел их, посмотрел на меня и, зевнув, уточнил:

— Леди Казимира? — переспросил он с акцентом, который коверкал все гласные.

Не знаю, что резануло ухо больше: эти самые гласные или то, что здесь я леди, а не привычная пани.

— Она самая.

Встречающий уткнулся в свои магические скрижали, водя по ним пальцем, и выдал:

— Показывает, что номер тринадцать свободен. — А после обернулся в поисках ключа от оного, не иначе. Но не нашел и махнул рукой: — Наверное, в двери вставили. Все равно это последний свободный номер гостиницы. Сейчас я вызову портье, чтоб помог вам с вещами.

Я, дико хотевшая вытянуться на кровати, махнула рукой, дескать, пани девушка самодостаточная и сильная не только духом, свои пожитки сама дотащит. Всего-то второй этаж. И, споро подхватив чемодан, зацокала каблучками по лестнице.

Вот только дверь номера, к которой я приставила чемодан, оказалась, вопреки пророчеству гнома, заперта. Я уже хотела спуститься и попросить-таки помощи, как у меня случился случайный взлом. А все из-за Пифи, которую я оставила всего ничего без присмотра. Эта пушистая, ловко орудуя обломанной косточкой, вскрыла замок на раз-два!

Створка приглашающе скрипнула...

Я миг поколебалась и решила, что утро вечера мудренее и с ключом я разберусь завтра, а пока использую самое надежное запирающее средство, перед которым порой пасуют даже чары взлома: швабру. Главное, правильно ею дверь припереть.

Я вошла в комнату, где было темно и тихо. И упала на кровать, блаженно раскинувшись в позе звезды. Не верю, что это со мной. Не верю, что я добралась. Не верю, что...

— Они же не могли перепутать заказ и прислать мне в номер вместо ужина деву? — точно читая мои мысли, отчеканил мужской голос.

А смысл сказанного тут же перевел амулет, покоившийся на моей груди и неактивированный.

Я приоткрыла один глаз, чтобы лицезреть перед собой остроухого. Причем настолько обнаженного дивного мне еще ни разу видеть не доводилось: верх был наг, низ — тоже. А между ними лишь полотенчик. Зрелище, может, было бы приятным, пригреться оно мне, но увы... Ныне была суровая реальность. Холодная, надменная и эльфанутая на всю свою светлую и в данный момент мокрую голову.

Похоже, когда я вошла, этот тип как раз закончил принимать душ. Оттого я даже плеска воды за закрытой дверью ванной комнаты не слышала. А вот теперь созерцала дивного целиком. Причем блондин даже в такой ситуации выглядел, будто его только что вытащили с маго-снимка глянцевого журнала, на котором красовалась подпись: «Эльфы, которых вы хотите, но не можете себе позволить».

От этой мысли я аж сморгнула и, взяв себя в руки и смерив наглеца, посмевшегося занять мою комнату, не менее холодно отчеканила:

— Я в свой номер тоже соблазнитель не заказывала.

— Номер мой, — меж тем поправил дивный наглец.

— Нет, — возразила я тоном: кто первый встал — того и тапки, кто первый лег — того и кровать, а на остальное начхать!

Увы, кажется, этот надменный тип к отказам девушек не привык. Оттого шелкнул пальцами, и меня с кровати точно ветром сдуло. Прямо в коридор. А вещи и Пифи остались в номере!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.